

21. Чернявская, В.Е. Ценностное измерение науки / В.Е. Чернявская // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: ПГНИУ, 2014. – С. 128–135.

22. Чеснокова, Л.В. Репрезентация концепта *zuverlässigkeit* (надежность, ответственность) в немецкой лингвокультуре / Л.В. Чеснокова // История, философия, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Москва; Тамбов: РАН; Грамота, 2015. – № 6 (56). – Ч. 2. – С. 201–207.

23. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: УрГУ, 2001. – 238 с.

24. Шарков, Ф.И. Основы теории коммуникаций / Ф.И. Шарков. – Москва: РГГУ, 2013. – 256 с.

25. Luhmann, N. Die Realitat der Massenmedien / N. Luhmann. – Tubingen, 1996. – S. 9.

26. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург: РАН, 2010. – 1536 с.

27. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. – Москва: Флинта, 2009. – 876 с.

28. Англо-русский словарь. Русско-английский словарь / под ред. О.С. Ахмановой и Е.А.М. Уилсон. – Москва: Книга, 2003. – 1416 с.

29. Collins Cobuild Student's Dictionary. – L.: Harper Collins Publishers, 2010. – 832+222 p.

30. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / by A.S. Hornby. – Oxford: University Press, 1994. – 1040 p.

Рецензенты: Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

С.А. Громыко, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

A.L. Faktorovich

“VOICES” INTERACTION IN THE POLYPHONY OF NON-MEDIA POLITICAL COMMUNICATION

The article presents a study of polyphony in non-media political communication. The types of special polyphonic correlations are systematized. The presuppositions of “voices” interaction are characterized in connection with pragmatic directions. Implicit senses are mentioned as relevant and typical feature of non-media sphere, and the semantic capacity is described according to political priorities.

Voice, implicit sense, construction, contrast, correlation, non-media, political communication, polyphony, opposite.

УДК 811.161.1

В.И. Чуглов

Вологодский государственный университет

ОБРАЗОВАНИЯ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ В СОСТАВЕ ДРУГИХ ОБРАЗОВАНИЙ, ОСЛОЖНЯЮЩИХ ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В работе предпринята попытка рассмотреть известные осложняющие в структурном плане образования (конструкции) на предмет осложнения их самих образованиями (конструкциями) с однородными членами.

Однородные члены, пояснительно-отождествительные конструкции, синтаксические конструкции, сопряженная неполная предикативность, структурно-семантическое осложнение.

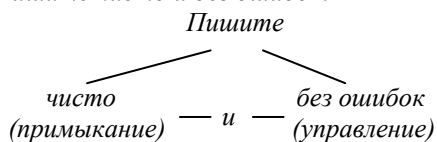
Выражение «синтаксическая конструкция» имеет в русистике разные употребления. Нередко оно понимается в очень широком смысле как любое сочетание слов, иногда с теми или иными ограничениями: «Синтаксический блок из нескольких языковых единиц и рассмотренный в плане его формальной организации. Термин употребляется для обозначения самых разных явлений – от словосочетания до предложения (ср. термины: предложно-падежные конструкции, деэпри-

частные конструкции, пассивные конструкции, бессоюзные конструкции и т.д.)» [3, с. 127], в узком смысле он предстает как та или иная синтаксическая структура с ее грамматическим значением и функцией или функциями. Например, синтаксическая конструкция – «это относительно самостоятельное неделимое на части без потери общего значения и оформленное по некоторой структурной схеме синтаксическое единство <...> привести пример той или иной конст-

рукции нельзя – можно привести пример ее речевой реализации...» [7, с. 17–18].

Это определение в целом приемлемо для нас, однако термин «конструкция» с целью удобства используется в статье применительно и к речевой реализации. Кроме того, мы находим, что к конструкциям автор отнес в своей работе лишь их части: в нашем случае – однородные и другие однофункциональные (параллельные) члены, которые образуют построения типа ряд.

Такие ряды, несмотря на их определенное единство и значимость, существуют в речи не сами по себе, а лишь по отношению к общему слову, с которым по отдельности грамматически связан и каждый член ряда: *Пишите чисто и без ошибок*.

Подробнее об этих конструкциях будет сказано ниже, однако при таком подходе возникает необходимость уточнить их название. Речь должна идти не об однородных членах, а о конструкциях с однородными членами в составе других конструкций, осложняющих простое предложение, как их компонентах. Выделение и описание этих других конструкций и составляет цель, задачи и содержание данной статьи. Пример: *Нужны разные документы, прежде всего паспорт и карта*. Но вернемся к образованиям с однородными членами.

Отношение к общему слову – один из главных признаков однородных членов, который отмечается исследователями. А.М. Пешковский подчеркивал, что сочинительный союз выполняет в предложении двойную функцию (не две): связывает однородные члены с одним и тем же третьим и между собой [6, с. 443]. Но в таком случае возникает трехчленная (многочленная) конструкция. Именно как таковую рассматривают образования с однородными членами и некоторые исследователи, см. например [9].

Подход Пешковского является продуктивным, так как открывает новые возможности для углубления интерпретации образований с однородными членами. Так, обнаруживается значимость того, какую часть предложения представляет собой общее слово и каким членом предложения является. Если такое слово – подлежащее или сказуемое, или это сочетание подлежащего и сказуемого (с относящимися к ним словами), то однородные члены, сочетаясь с ними, выражают соответствующие пропозиции, пересекающиеся с общим словом или целой частью, при этом каждый такой фрагмент имеет свою предикативность. Именно эти фрагменты, получающие определенное грамматическое выражение, а не обозначение предметов, признаков, либо группы сказуемого, и связываются соединительными союзами или бессоюзно. Ср., например, бессмысленность отдельно взятых сочетаний типа **книгу, а журнал, *то ли о книге, то ли о журнале, *холодную, зато большую, *то книгу, то журнал*.

Далее, не так уж сложно установить то, что первый фрагмент формально и семантически представля-

ет собой основную часть предложения – с самостоятельно выраженной, т.е. полной, предикативностью, семантически относительно полноценную (ограниченную со стороны второго фрагмента). Второй фрагмент вступает с первым в определенные отношения, ограничивая так или иначе семантику первого и тем самым определенным образом характеризует его, определяя его место в выражаемом отношении. Ср. семантику отдельно взятого предложения: *Комната большая* с семантикой той же части в предложении с однородными членами: *Комната большая, но холодная* – очевидно ограничение признака *большая* с точки зрения его качества: второй признак таким образом характеризуется как ограничиваемый. Ср. еще: *Комната холодная, зато большая* (компенсированный признак); *Не честь, а ум поставлю я в угоду (Крылов)* (отрицание объекта *честь*). Ср. еще: *Куплю газету и Куплю газету или журнал*: оба объекта отрицают друг друга, какой из них состоится по отношению к общему слову – неизвестно [13]. Ср. также утверждение А.Ф. Прияткиной, что, например, в предложении *На траве у часовни лежала соломенная шляпа и зонтик (Гончаров)* «первый член обязателен для высказывания (он входит в основную часть) и только второй является осложняющим компонентом» [7, с. 139–140]. На значимость порядка следования однородных членов, не отрицая при этом их синтаксического равноправия, так или иначе указывали и другие исследователи (ср. [10]).

В то же время второй фрагмент, в отличие от первого и от соответствующей предикативной части в сложносочиненном и сложном бессоюзном предложении, оказывается неполнопредикативным и уже по этой причине несамодостаточным. У него нет либо своего собственного подлежащего, либо своего сказуемого, либо своей предикативной основы, во всяком случае они не эксплицированы. Неполнота второго фрагмента, точнее, и это принципиально, **языковая** неполнота, может быть объяснена с позиций двух, точнее обоих, подходов, обобщающих разные интерпретации сущности образований с однородными членами, – снизу и сверху. При первом подходе однородные члены понимаются как возникающие в результате расширения позиции того или иного члена предложения, крайняя точка зрения представлена в [5]. Так, по мнению А.Ф. Прияткиной, в определенных случаях «строго различаются первый и второй (однородные) члены: второй член относится к общему члену – через первый» [7, с. 55].

Подход сверху, получивший признание многих исследователей, исходит из представления о слиянии сложносочиненных или соответствующих бессоюзных либо отдельно взятых предложений: *Петя читает, и Маша читает* – (*Петя и Маша читает*) – *Петя и Маша читают* [2], или сочинительного сокращения сложносочиненных или соответствующих бессоюзно связанных предложений: *Волк – хищный зверь, и лев – хищный зверь* – *Волк и лев – хищные звери; Солнце светит, и солнце греет* – *Солнце светит и греет*. «Сливаются в одно два или несколько предложений, имеющих общий для всех какой-нибудь член предложения, при различии прочих» [1, с. 286]; «Одно слитное предложение *Иван и Петр писали* соотносительно

с двумя неслитными *Иван писал и Петр писал; Он читал и писал – Он читал и Он писал*: однородная позиция по своей природе есть позиция предложения» [4, с. 137, 136]; *Петя читает, и Машиа читает – (Петя и Машиа читает) – Петя и Машиа читают*: «В целом же можно сказать, что предложения с однородными членами представляют собой “свертки” ССП, один из компонентов которых (обычно второй) подвергается преобразованиям. Сочинительный союз в рамках ПрП [простого предложения] свидетельствует о наличии в нем **второй** грамматической **предикативности**» (выделено нами. – В.Ч.) [2, с. 299–304]. Эта неполная, вследствие отмеченной неполноты второго фрагмента, предикативность определяется нами как сопряженная и имеет две разновидности: собственно сопряженную – в предложениях с однородными сказуемыми, с их эксплицитно выраженными модально-временными значениями: *Артисты приехали и будут выступать* и несобственно сопряженную, иначе слитную или одинаковую, тождественную, в предложениях с несказуемыми однородными членами: *Пришли дети и родители; Певец исполнял песни и романсы*.

Однако так называемое слияние (в синхронном понимании, или соотносительность, трансформация, синтаксическая деривация) сложных предложений в простое с однородными членами ограничено определенными условиями: 1) наличием одного и того же слова (подлежащего, сказуемого) или целой одинаковой части в обеих предикативных частях сложного предложения, на что обращают внимание сторонники слияния, либо семантически близких слов (частей предложения), соединяемых предикативных частей, образующих семантическую константу (термин М.И. Черемисиной) применительно к сравнительным сложноподчиненным предложениям [11, с. 85–86], [8]; 2) наличием в соединяемых предикативных частях одинаковых по своей синтаксической функции (параллельных) членов предложения, однофункциональность которых обусловлена отмеченной выше семантической близостью. Ср.: *Приехал Петр, и примчался Николай и Прибыли Петр и Николай*. Понятие семантической константы определенным образом аргументирует наличие своего подлежащего либо сказуемого, предикативного ядра, правда, уже имплицитного фрагмента со вторым однородным членом в простом предложении.

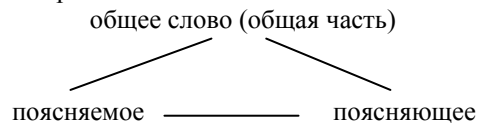
Таким образом, однородные члены, организованные в сочинительный ряд, образуют в единстве с общим словом (общей частью) вполне определенную синтаксическую конструкцию, осложняющую простое предложение неполной сопряженной предикативностью и определенными отношениями с семантической точки зрения.

Обратимся теперь к конструкциям, включающим в себя образования с однородными членами, осложняющим предложение не прямо, а входя в эти осложненные конструкции. Наиболее значимыми в этом отношении и представляющими определенный научный интерес являются образования с так называемыми обобщающими словами, выделяемые авторами, как правило, в работах или разделах об однородных членах, а не по типу самих конструкций. При этом

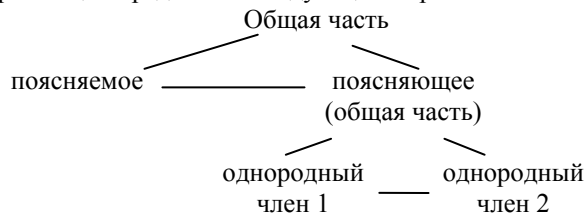
интерпретация этих слов либо обходит вопрос об их синтаксическом статусе, либо при обращении к нему оказывается неадекватной: *Никто не даст нам избавленья: Ни бог, ни царь и ни герой*.

Такие образования относятся не к конструкциям с однородными членами, а к пояснительным конструкциям, точнее к пояснительно-отождествительным. Именно так поступает А.Ф. Прияткина, рассматривая ряды однородных членов, однако, только в составе пояснительных конструкций (тоже рядов) со значением пояснения путем конкретизации: *В парке собраны разные деревянные постройки: мельница, овин, баня, разных фазонов избы, мосты и т.п.* (Солоухин). Автор видит здесь отношение общего к отдельному, или частному, при которых «конкретизация создается путем перечня, так что образуется особая структура – сложный ряд» в отличие от первого, основного вида конкретизации – без однородных членов, образований с отношениями «от отвлеченного к конкретному»: *Начнем с самой громкой ее [Гончаровой] работы – театральной* [7, с. 71].

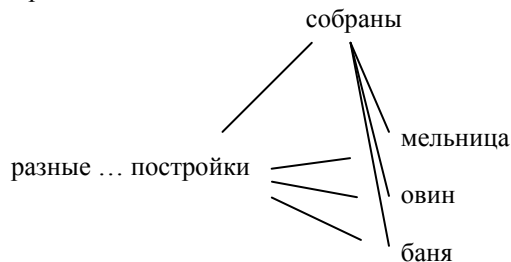
На наш взгляд: 1) оба вида отношений объединяются более общим значением – от неопределенного к определенному; 2) новая структура, сложный ряд, включающий в себя обобщающее слово и ряд однородных членов, не образует новой конструкции, а только осложняется путем модификации поясняющего члена; 3) сама поясняющая конструкция представляет собой не ряд «поясняемое–поясняющее», а трехчленное образование:

4) термин «обобщающее слово» в препозиции к ряду однородных членов не соответствует своему содержанию: поясняемое не обобщает, а конкретизируется, «раскрывается» путем обозначения сообщаемых по отдельности его элементов. С учетом вышесказанного о конструкциях с однородными членами структурную схему пояснительной конструкции со значением конкретизации представим следующим образом:

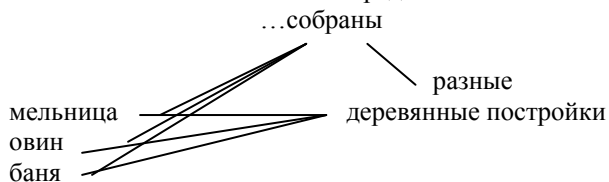
Ср.:

Значение термина «обобщающие слова» соответствует функции таких слов в постпозиции по отношению к сочинительной модификации поясняемого, но

уже при отношении собственно отождествления (или пояснения путем собственно отождествления), то есть уже в другом виде пояснительно-отождествляющих конструкций. *Мельница, овин, баня... – разные деревянные постройки были собраны в парке.* В подобных случаях могут быть эксплицированы союзы *то есть*, отождествительный *или* и др., а не союзы *а именно*, *именно*, эксплицируемые при конкретизации.

Схематически это можно представить так:

Заметим, что и при препозиции ряда однородных членов по отношению к обобщающему слову (сохраним традиционный термин и как родовое понятие), но при определенных условиях в подобных случаях уже будут иметь место не отношения конкретизации, а соответственно отношения собственно отождествления. Ср. *Петр и Николай – оба уехали; <...> весь свой век остается полуученым, полусветским человеком т. е. дилетантом, т. е., говоря без обиняков, ничем* (Тургенев). Надо сказать, что образования со значением собственно отождествления обнаруживают черты немаркированного вида по сравнению с другими видами пояснительно-отождествительной конструкции.

Рядом однородных членов может быть представлен и поясняющий компонент значением собственно отождествления. *Из-за кулисы вышла на сцену средних лет дама, одетая по моде, то есть в пальто и в крошечной шляпке* (Булгаков).

В образованиях еще одной разновидности пояснительно-отождествительных конструкций – со значением уточнения поясняемого или поясняющего – и то и другое может быть осложнено образованиями с однородными членами: *В лесу, на опушке и вдоль тропинок, попадались грибы; В июне и в июле, по субботам и воскресеньям, устраивались и успешно проходили праздники.*

Выражаемые при отождествлении путем уточнения отношения целого и части между называемыми предмет именованиями образования не свободны в той или иной мере от значения (функции) конкретизации, заметно более слабого, чем у образований со значением собственно конкретизации. Покажем схему первого примера.

Близки к значению конкретизации и значения конструкций с выделительными отношениями, по-другому – с отношениями включения, со скрепами типа *в том числе, в частности, особенно*, модифицирующими степень выделения [12]. Например: *Впоследствии эта точка зрения была принята многими авторами, например, Е.В. Кротовичем, В.П. Малащенко и др.* (Ломтев).

Все рассмотренные выше образования, осложненные конструкциями с однородными членами, отно-

сятся к группе конструкций с параллельными (однофункциональными) членами предложения. Другую группу образований, осложненных конструкциями с однородными членами, образуют полупредикативные конструкции: *Наступил вечер, теплый и тихий; Обломов, дворянин родом, коллежский секретарь чином, безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге* (Гончаров). Составим схему первого предложения: *Наступил вечер, теплый и тихий* – подчеркнута полупредикативная конструкция (ее конкретная реализация); стрелками от общего слова к однородным членам обозначена и сама конструкция (ее конкретная реализация) с однородными членами.

В подобных конструкциях взаимодействуют на разных ступенях два вида структурно-семантических осложнений – полупредикативность (атрибутивная) и сопряженная неполная предикативность. Специального исследования требуют образования с однородными компонентами, традиционно не считающимися членами предложения, в составе таких осложняемых ими построений, как конструкции с однородными обращениями (*Петр и Николай, подойдите*), с однородными вводными компонентами (*Они, к нашей радости и счастью, благополучно вернулись домой*) и, по-видимому, некоторых других, например: *Помощь придет, но не сегодня и не завтра; Кроме знаний, нужны умения и навыки.*

В заключение заметим, что подход к образованиям с однородными членами как к трехчленной (бинарной) конструкции с ее неполной сопряженной предикативностью позволяет существенно углубить представления о предикативности осложняющих конструкций, включающих в свою структуру образования с однородными членами. Было выяснено, что образования с однородными членами могут быть все структурно-семантически осложняющие простое предложение конструкции. Для ряда таких конструкций отмеченное осложнение существенно значимо для их структурной модификации.

Литература

1. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – Москва, 1959. – 623 с.
2. Левицкий, Ю.А. Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – Москва, 2005. – 208 с.
3. Ломов, А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке / А.М. Ломов. – Воронеж, 2004. – 406 с.
4. Ломтев, Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка / Т.П. Ломтев. – Москва, 1958. – 324 с.
5. Перетрухин, В.Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке / В.Н. Перетрухин. – Воронеж, 1979. – 104 с.
6. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – Москва, 1956. – 511 с.
7. Прияткина, А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения / А.Ф. Прияткина. – Москва, 1990. – 176 с.
8. Русская грамматика: в 2 ч. – Москва, 1980. – Ч. 2.
9. Санников, В.З. Русские сочинительные конструкции / В.З. Санников. – Москва, 1989. – 207 с.
10. Сигал, К.Я. Проблемы теории синтаксиса / К.Я. Сигал. – Москва, 2012. – 164 с.
11. Черемисина, М.И. Сравнительные конструкции русского языка / М.И. Черемисина. – Новосибирск, 1971. – 270 с.
12. Чуглов, В.И. Образования с выделяющимися членами предложения / В.И. Чуглов // Русский язык в школе. – 2000. – № 2. – С. 86–92.

13. Чуглов, В.И. О равноправии и неравноправии однородных членов / В.И. Чуглов // Русский язык в школе. – 2002. – № 2. – С. 75–78.

14. Чуглов, В.И. Осложненные предложения в современном русском языке / В.И. Чуглов. – Вологда, 2011. – 238 с.

Рецензент – Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

V.I. Chuglov

**SENTENCE CONSTRUCTIONS WITH HOMOGENEOUS PARTS OF THE SENTENCE
IN THE CONTEXT OF OTHER CONSTRUCTIONS COMPLICATING A SIMPLE SENTENCE
IN STRUCTURAL AND SEMANTIC ASPECTS**

The article reviews the study of well-known formations which are complicated in their structure by syntactic constructions and reveal the additional complication of the latter constructions by homogeneous parts of the sentence. The author describes the type of predicativity of expanding syntactic constructions with homogeneous parts of the sentence in their structure as a three-member (binary) system, or conjunctive incomplete predicativity.

Homogeneous parts of the sentence, explanatory and identification constructions, syntactic constructions, conjunctive incomplete predicativity, structural and semantic complication of a sentence.

УДК 811.161.1

Л.Г. Яцкевич
Вологодский государственный университет

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ СИНКРЕТИЗМ
КАК ИСТОЧНИК СИТУАТИВНОЙ МЕТОНИМИИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
КОГЕРЕНТНОСТИ ДИАЛЕКТНЫХ ЛЕКСЕМ**

Рассматриваются типологические особенности семантической структуры диалектных слов на материале Словаря вологодских говоров. Определяются исторические и функциональные причины их семантического синкретизма, который обуславливает широкое распространение в говорах ситуативной метонимии и словообразовательной когерентности. Прослеживается роль тематизма (термин М.М. Бахтина) в содержании семантически синкретичных лексем при их метонимическом употреблении. Отмечается роль внутренней формы производных слов при развитии словообразовательной когерентности в лексической системе говоров.

Семантический синкретизм, диалектные слова, ситуативная метонимия, тематизм, когерентные производные лексем.

Семантическая структура диалектных слов имеет ряд типологических черт, обусловленных исторически и функционально. Основная их особенность – это семантический синкретизм. Вслед за А.А. Веселовским [2] историки славянской культуры и языка определяют синкретизм как «выражение свойственного архаическому сознанию целостного взгляда на мир, еще не осложненного отвлеченным, дифференцирующим и рефлексивным мышлением. В таком сознании сами идеи тождества и различия еще не оформились в своей раздельности, а потому не накладываются на воспринимаемые явления» [1, с. 20]. Нерасчлененность и неопределенность значений древних корней отмечают этимологи [22]. Неразрывную связь языкового синкретизма и особенностей архаичного мировосприятия подчеркивают О.А. Черепанова, М.В. Пименова [20; 23].

Вместе с тем, О.Н. Трубачев обращал особое внимание на то, что «явление семантического синкретизма должно изучаться не как нечто раз и навсегда преодоленное языком и предполагаемое по большей части для праязыковых эпох, да и то на уровне гипотезы, а как характерная особенность словаря» [22, с. 54]. Явление семантического синкретизма сохранилось до наших дней в устной диалектной речи [17; 2, с. 19].

В исследованиях М.В. Пименовой ставится актуальный вопрос о том, как соотносятся между собой семантический синкретизм и лексическая полисемия. Автор считает, что их следует разграничивать и не смешивать [20]. В данной статье к решению этого вопроса мы подходим несколько иначе, а именно учитываем тот факт, что семантический синкретизм и